

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

С. И. БЫКОВА

СОВЕТСКИЙ ПАТРИОТ КАК «ВРАГ НАРОДА» ДИЛЕММА ЛИЧНОСТНОЙ И ОФИЦИАЛЬНО ЗАДАННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматривается проблема противостояния/сотрудничества арестованных советских людей и следователей НКВД. Ориентированные на выявление «контрреволюционных, диверсионных, шпионских организаций», сотрудники НКВД арестовывали невинных людей и, используя всевозможные способы, получали от них «признания» в несовершенных преступлениях. Один из аргументов – признания необходимы в интересах советского государства. После вынужденного «признания» размышления о предательстве (себя, оговоренных людей, идеи) могли стать причиной самоубийства или сумасшествия.

Ключевые слова: идентичность, советский патриотизм, «провокационные» методы следствия, конструирование образа «врага народа», самооговоры.

Маргарет Мид, анализируя фильм А. Иванова «На границе» (1938), обратила внимание на сходство главных героев – предателя и советского патриота, внешне почти неотличимых друг от друга и в течение всей жизни являвшихся друзьями. Для нее это сходство иллюстрировало амбивалентность образов, имевших своих прототипов в реальной жизни, и свидетельствовало о трудностях изучения советского общества «на расстоянии»: исследователю сложно понять, с кем он имеет дело – с «верным советским гражданином» или «врагом народа». Изучив феномены социального контроля и бдительности, М. Мид сделала вывод: «Враг народа» – точная копия самого верного советского гражданина или члена партии¹. Кроме того, она признала, что в реальности советские функционеры должны были решать подобную же дилемму.

Однако в данном случае, как справедливо отмечала Наталья Козлова, изучавшая «человеческие документы» советской эпохи, следует поставить вопросы о социальной конструкции самих принципов организации социальной реальности и о роли государства в их конструировании. Помимо пропагандируемых властью идеалов существовала классификационная решетка государственных категорий, согласно которой люди делились на «своих» и «чужих»; на «культурных» и «некультур-

¹ Цит. по: *Ссорин-Чайков*. 2009. С. 19–20, 52–53.

ных»; на тех, кто имеет право получить паспорт, и тех, кто должен жить без паспорта. Такие классификации принимались и воспроизводились представителями разных социальных групп. Именно это согласие, по мнению Н. Козловой, – одна из причин успешности советской системы².

В спектре разнообразных и противоречивых мнений и суждений, характеризующих политические настроения советских людей в 1930-е годы, особое значение имел миф о светлом будущем. Именно эта вера поддерживала энтузиазм, оправдывала произвол власти, трудности и жертвы. Амбициозные исторические перспективы, желание обогнать время отразились не только на темпоральных представлениях поколения 1920–1930-х гг.: данный хронотоп предопределил создание особых маркеров социальной стратификации, основными категориями которой являлись «бывшие» и «новый советский человек». Однако в ситуации политических репрессий противопоставление данных двух категорий оказалось проблематичным – появилась категория «внутренний враг»: «не нашими» объявлялись все, кто критически относился к происходящему, сохранял смелость говорить правду (о некачественных обедах в заводской столовой, о дефиците продуктов питания, о некомпетентных руководителях предприятий, о предательстве И. Сталиным ленинских заветов...). Степан Подлубный, сын раскулаченного крестьянина, приехавший в Москву, в дневниковой записи от 23 декабря 1933 г. так характеризовал молодых людей, которых называли «не нашими»: «либеральные», «люди нешаблонных взглядов», «на все смотрят критически, сказав слово, не оглядываются», «не стесняются говорить правды в глаза», «категория этих людей глубже, развитей, способнее...»³.

Данное наблюдение современника можно считать точным, так как реалии жизни вызывали множество вопросов и сомнений, являясь причиной постоянных размышлений о собственной идентичности. Например, Аркадий Маньков, живший в Ленинграде и работавший в 1930-е гг. сначала на заводе «Красный треугольник», затем в библиотеке, ставший студентом исторического факультета ЛГУ, отразил этот процесс весьма образно в своих дневниковых записях: «Иногда меня (в особенности по ночам) посещает мой черт... Тогда мне становится не по себе. Я утрачиваю силу и равновесие духа. Прошлое и будущее покрывается мраком». Существование его семьи и большинства окружающих людей на грани выживания; низкая оплата труда; нищие на улицах города и в вагонах электричек; государственное насилие, проявлявшееся в директи-

² Козлова. 2005. С. 27, 221–222.

³ Там же. С. 228–229.

вах правительства, судебных процессах и принудительных займах, своим несоответствием грандиозным историческим перспективам создавали основание для размышлений и самокритики: «Вдруг, да это только внешняя сторона явлений, видимость, совершенно необходимая, так сказать, узаконенная историей, что за этой видимостью скрывается светлая и радужная сущность?!?»⁴. В стремлении найти ответ на данный и многие другие вопросы некоторые люди начинали сомневаться в своей «советскости». Другие, напротив, стремились доказать свою гражданскую ответственность, наблюдая и оценивая окружающих.

Абсурдность ситуации заключалась в том, что «врагами народа» называли людей, которые никогда не принимали участия в дискуссиях, были очень далеки от политики, ориентируясь только на выживание в трудных условиях.

Террор, ставший фактором повседневности, создавал в стране два мира – иллюзорной свободы и абсолютной несвободы. Границы этих миров были невидимы и подвижны: каждый человек неожиданно мог оказаться в «другом» мире. Многие находились в постоянном ожидании ареста, а «сознательные советские граждане», разделяя официальную теорию об обострении классово-борьбы, с энтузиазмом помогали раскрывать «контрреволюционные и шпионские организации». Власть, официально одобряя недоверие, подозрительность, предательство и жестокость, создавала атмосферу оправдания всех аморальных поступков абстрактными идеалами «светлого будущего», «советского патриотизма», «революционной законности» и «политической бдительности».

Газеты и радио освещали политические процессы, проходившие в Москве и в регионах. Центральные и местные газеты публиковали сообщения под названием «Дневник судебного процесса», предоставляли читателям подробную информацию о допросах подсудимых, речи государственных обвинителей и тексты приговоров. Обязательным элементом пропагандистской кампании являлись материалы, свидетельствующие о поддержке населением предпринимаемых властью мер социальной защиты. Не только содержание, но и названия корреспонденций и писем, опубликованных в газетах, подчеркивали единогласие народа и власти: «Смерть изменникам!»; «Никакой пощады врагам...!»; «Трудящиеся области одобряют приговор суда». О проведенных политических процессах издавались брошюры и снимались документальные фильмы.

⁴ Маньков. 2001. С. 17, 27.

В условиях ускоренного строительства, освоения новых технологий и кардинальных перемен, неотъемлемыми характеристиками которых являлись напряжённость жизни, бытовая неустроенность, аварии на производстве, обострение социальных отношений, у большинства современников формировалось лояльное отношение к информации властных инстанций. В ситуации, когда добросовестно трудившиеся люди не понимали причин дефицита продуктов питания, отсутствия предметов потребления, невыполнения планов, других негативных явлений – «вредительство» стало одним из элементарных объяснений возникавших трудностей. В результате многие граждане искренне верили в наличие врагов, препятствовавших реализации идеала светлого будущего.

Именно по этой причине некоторые советские люди соглашались на сотрудничество с ОГПУ и НКВД. Одни становились агентами следственных органов под давлением, по принуждению; другие – из превратно понимаемого чувства долга. Тем не менее, при знакомстве с документами удивляет пунктуальность и «добросовестность» исполнения этой социальной роли. Агентурные данные, которые предоставляли «источники», имевшие псевдонимы «Герман», «БУР», «Нагорный», «Тобол» и другие, в соответствующие инстанции, были чрезвычайно информативны и содержали подробнейшие сведения не только о политических настроениях и критических высказываниях, но о личной жизни, привычках и даже литературных пристрастиях наблюдаемых.

Материалы судебно-следственных дел и личных фондов руководителей партии и государства предоставляют много свидетельств о деятельности добровольных информаторов, не являвшихся агентами следственных органов или членами «разоблачительских» организаций, но считавших своим долгом сообщать о сомнительных фактах или подозрительных людях. Они направляли свои заявления, докладные записки и анонимки во все инстанции – в партбюро и ЦК ВКП(б), в местные управления и Наркомат внутренних дел, в газеты, в Верховный Суд и Прокуратуру СССР. По этим документам можно воссоздать атмосферу ненависти, в которой происходило самоуничтожение социума, имевшего в своем составе людей, ориентированных на поддержку власти и называвших в своих корреспонденциях «врагов народа».

Так, в письмах, адресованных в центральные органы, один из жителей Свердловской области заявлял о стремлении всегда оправдывать «доверие советской власти» и желании «убрать сор, мешающий строи-

тельству социализма»⁵. Авторы других корреспонденций, характеризую подозреваемых ими людей, использовали такие выражения: «Он враг республики, враг рабочего класса...»; «Сомневаюсь, что он большевик...»; «Заверяю, что это чужой человек... для нашего строительства»; «Это далеко не советские люди...»⁶.

Авторы доносов часто не только проявляли подозрительность к указанным ими лицам, но и выражали возмущение работой органов, задачей которых считались выявление и изоляция «чуждых» людей. Весьма показательным является мнение автора анонимного послания, датированного 1936 г.: «Живущие с ними... удивляются, почему и под чьим руководством такой буржуазный тип находит должности в нашем советском хозяйстве и даже пользуется правами советских граждан»⁷. Примечательны и тот факт, что наряду с умеренными требованиями («обратить серьезное внимание и расследовать вышеизложенное», «принять меры», «не мешало бы политотделу поинтересоваться им», «проверить бело-гвардейского офицера, проживающего здесь...», «исследовать это дело и привлечь к ответственности»; «рассмотреть и передать, куда следует»; «спросить меня, я подробно все расскажу...») авторы демонстрируют агрессивность по отношению к следственным органам: «я буду дальше писать, если ты не примешь мер против этого злодея»⁸.

Многие современники осознавали роль осведомителей НКВД – как добровольных информаторов, так и секретных сотрудников. В частности, в городах распространялась следующая версия: «...очереди у магазинов правительством созданы, чтобы испытать политическую благонадежность населения»⁹. Наиболее информированные убежденно критиковали НКВД за систематическое материальное поощрение агентов, главной задачей которых являлось создание фантомов врагов¹⁰. Директор Пермского педагогического института П. Г. Погожев в письме к И. Сталину в 1938 г. на вопрос «Как можно объяснить массовое появление врагов народа, врагов социализма через 20 лет победоносного социалистического строительства?» ответил: «Секрет этого позорного

⁵ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 66а. Д. 183. Л. 189–191, 196–200.

⁶ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20945 (конверт); Д. 26018. Т. 1. Л. 10, 11, 17; Д. 17160. Т. 16. Л. 173–175 и др. дела; ГАДПР ПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7794. Т. 2. Л. 60; Т. 3. Л. 95; Ф. 2. Оп. 1. Д. 31849. Л. 58–59 и др. дела.

⁷ ГАДПР ПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7794. Т. 3. Л. 95.

⁸ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 19638. Т. 5. Л. 220–221; ГАДПР ПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12837. Т. 2. Л. 226–235; Д. 26710. Л. 367.

⁹ Осокина. 1998. С. 204.

¹⁰ XX век. 2003. С. 46; Фельдман. 2008. С. 125.

явления состоит в том, что органы НКВД проводят политику массовой фабрикации врагов народа»¹¹.

Второй этап конструирования/деконструкции «врагов» и «советского человека» происходил в застенках НКВД. Самой трагичной страницей этих событий является история противостояния следователей и арестованного – история до сих пор не изученная¹². Материалы судебно-следственных дел позволяют рассмотреть, каким образом сотрудники НКВД получали необходимые им «добровольные» признания арестованных и, напротив, что позволяло арестованным выдерживать моральное и физическое давление следователей.

Самым удивительным аспектом истории следствия и репрессий является обман следователями арестованных и их самообман, основанный на принципиальном противоречии в понимании патриотизма. Следователи прагматично и откровенно цинично использовали искренние чувства преданности Родине оказавшихся в их распоряжении людей. Согласно множеству свидетельств, следователи сначала стремились внушить, что они знают об арестованном только положительные отзывы, однако «интересы государства требуют...»¹³. Например, в тюрьме «Красный камень» (г. Нижний Тагил) следователи заявляли, что аресты – часть особо секретной кампании, проводимой по указанию сверху, аресты активистов и стахановцев нужны для разоблачения настоящих врагов, а признания – «для блага Родины»¹⁴. В других тюрьмах следователи обещали, что за добровольные признания, «необходимые советскому государству», арестованные не только будут освобождены, но и получат работу по их желанию в любом районе СССР. По этой причине арестованные не только подписывали протоколы, но учили и даже репетировали речи для выступления на открытом судебном процессе. Однако в большинстве случаев обещания следователей являлись расчетливым обманом – они знали, что суда не будет, что многие из арестованных уже приговорены к ссылке или расстрелу.

Многие из арестованных соглашались на сотрудничество со следователями, доверяя им как представителям советской власти. Одним из примеров подобного поведения можно считать Сигизмунда Негребецкого, молодого рабочего УЗТМ, стахановца, арестованного в начале

¹¹ Политические репрессии. 2004. С. 270.

¹² Журавлев. 2005. С. 372.

¹³ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18001. Л. 64; Д. 4514. Л. 29; Д. 17554. Т. 30. Л. 86–87, Т. 32. Л. 77; Репрессии. 2006. С. 273.

¹⁴ Мемуары о политических репрессиях. 2007. С. 64.

1938 г. Он сообщал в письме своей матери о том, каким образом был осужден на десять лет: «В тюрьме следствия никакого не было. Следователь просил подписать документ о шпионско-диверсионной деятельности, объясняя это тем, что нужно для дипломатических целей и обещал полную свободу через два месяца. У следователя я был только один раз, где подписал документ, который от меня требовали, тем более от имени государства и Советской Власти, а не доверять Советской Власти у меня нет никаких оснований»¹⁵.

Другой вариант развития событий представил А. Т. Чернышев, до ареста работавший молотобойцем на Богословских коях. Отбывая наказание, он обратился в 1939 г. в Президиум Верховного Совета СССР, указывая, что был осужден, хотя никаких преступлений не совершал: «Следователь ставит меня в известность, что материалов на меня никаких нет, и он знает, что я не виновен... но нужен материал <...> о якобы совершенных действиях контрреволюционного характера, который Вы должны подписать. Нужно это в дипломатических целях, для изжития иностранных консульств. Если Вы не подпишете, Вы являетесь врагом народа, не хотите помочь нашему правительству...»¹⁶.

К сожалению, не являлась редкостью третья модель отношений «следователь-арестованный». Главный инженер Уралэнерго, член партии большевиков с 1917 г., участник гражданской войны, ставший талантливым специалистом, поверил следователю, который убедил его в необходимости фабрикации материалов для предъявления английскому правительству данных о шпионской деятельности против Советского Союза. Умный, эрудированный коммунист, находившийся ранее в длительной командировке в Великобритании, вместе со следователем в течение нескольких дней составляли протокол допроса о шпионской деятельности. Причем инженер исправлял написанное следователем, чтобы «материал выглядел правдоподобно»¹⁷.

Игра в патриотизм предназначалась не только для арестованных, но и для самих следователей: в документах встречаются свидетельства, как руководство убеждало их в том, что массовые аресты и «особые» методы ведения следствия осуществляются «в интересах родины», «в интересах советской власти», «в интересах партии и страны». В письме на имя Л. П. Берии, датированном 30 ноября 1938 г., оперуполномочен-

¹⁵ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18166. Л. 30-32.

¹⁶ Там же. Д. 39666. Л. 11.

¹⁷ Завещание. 1989. С. 26. См. аналогичные истории: XX век. 2003. С. 67, 76; ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17554. Т. 32. Л. 337-339.

ный УНКВД Свердловской области А. Г. Гайда (в отличие от некоторых своих коллег он написал это письмо до ареста) признал, что он являлся «участником вражеской работы, которая проводилась последние два года», что все следователи требовали и получали от арестованных показания «для советской власти»¹⁸. Свидетельство А. Г. Гайды подтвердил 23 марта 1939 г. заместитель начальника УНКВД по Свердловской области Варшавский, привлеченный к ответственности за «активную» работу в период массовых политических репрессий: на допросе он признал незаконность действий следователей, отметив, что они уговаривали арестованных дать показания о принадлежности к иностранным разведкам, поскольку советскому правительству нужны были факты для предъявления претензий иностранным посольствам¹⁹.

Однако на самом деле признания обвиняемых были важны для руководства НКВД и И. Сталина как оправдание массовых репрессий. Огромную роль в том, что некоторые из современников начинали верить в реальность преступлений и справедливость наказания, играли именно личные признания обвиняемых, которые можно было услышать на открытом процессе или прочитать в газетных репортажах. По этой причине следователи НКВД добивались признаний любыми средствами. Заместитель наркома НКВД М. П. Фриновский, арестованный в конце 1938 г., свидетельствовал: Н. Ежов интересовался, как правило, не существом дела, а только тем, не откажутся ли арестованные от своих показаний на очных ставках и на открытом процессе²⁰. Если современники сомневались в правосудии, то признания подсудимых иногда становились главным аргументом, позволявшим принять официальную версию. Инженер С. Швед в своих воспоминаниях передала настроения советских людей того трагического времени: «Мне тогда казалось, как и многим, многим другим, что не может быть «дыма без огня». Очевидно, все-таки какие-то крупные преступления обнаружены, пусть далеко не все виноваты, но не всех же зря казнят. Особенно убедительными казались некоторые процессы с «саморазоблачением», «раскаиванием»...»²¹.

Иногда сотрудники НКВД начинали «работу» с очередными жертвами до ареста. Когда многие коллеги главного инженера Половинкинского рудника И. Ф. Сидоркина были арестованы, его пригласил уполномоченный НКВД и рассказал ему об их показаниях. Как специалист,

¹⁸ Там же. Д. 17368. Т. 5. Л. 92–93.

¹⁹ Там же. Д. 17554. Т. 54. Л. 44–45.

²⁰ Хаустов, Самуэльсон. 2009. С. 116.

²¹ Завещание. 1989. С. 74.

знающий ситуацию на руднике, Сидоркин выразил недоумение, поскольку «на самом деле все было не так». Тогда в качестве доказательства правдивости своих слов уполномоченный зачитал последнюю фразу из показаний. Стандартные слова о том, что показания записаны собственноручно арестованным и он просит сохранить ему жизнь, чтобы использовать свои знания и опыт для работы в угольной промышленности и тем самым искупить вину, которую совершил перед советской властью, как отметил инженер, «рассеяли сразу мои сомнения...»²².

Проблема признаний вызвала дискуссию в ЦК ВКП(б). И. Сталин во время его конфликта с Политбюро по вопросу об очных ставках, ссылаясь на признания К. Радека и других, заявлял: «...очень аккуратно и честно работают чекисты», поскольку на очной ставке в присутствии членов ЦК обвиняемым была предоставлена возможность сказать правду. Если они согласились с тем, что записано в протоколах, значит, нет никаких фальсификаций²³.

Учитывая значимость признаний, сотрудники НКВД стремились получить их, используя все методы воздействия. В феврале 1938 г. на совещании Н. Ежов критиковал оперативный состав за крайне низкий процент давших признательные показания. Как утверждают известные исследователи истории репрессий В. Хаустов и Л. Самуэльсон, такая ситуация была характерна для всех регионов СССР. Например, в Мордовской АССР 96% прошедших через тройку советских граждан не признались во «вредительской деятельности»²⁴. Действительно, многие арестованные, несмотря на все методы воздействия со стороны следователей, не признавали обвинений, заявляя, что в контрреволюционные организации не вступали, антисоветскую агитацию не вели, диверсиями, террором и шпионажем не занимались. Как правило, такие люди, не признавая себя виновными, отказывались подписывать протоколы допросов с ложными показаниями²⁵. В воспоминаниях Касыма Азнабаева приводится пример, что все арестованные двадцать пять «нефтяников-вредителей» из Ишимбая выдержали, протоколов допросов не подписали (несмотря на это, четверых приговорили к десяти годам лишения свободы, остальных расстреляли). Н. Шелегов, журналист, после следствия написал в Верховный Суд СССР: «Мне только 34 года... полови-

²² ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17554. Т. 30. Л. 85.

²³ *Делалой*. 2010. С. 450.

²⁴ Хаустов, Самуэльсон. 2009. С. 286.

²⁵ Например: ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26018. Т. 1. Л. 141–145, 164–165; Д. 17160. Т. 11. Л. 245–250.

ну своей жизни я работал в комсомоле и партии... я никогда не был и не мог быть участником какой бы то ни было контрреволюционной организации. Я был и остаюсь <...> советским патриотом». В записках родным, которые так и не удалось передать из заключения, Николай писал, уверяя в своей невиновности: «Я решил до конца, чего бы мне не стоило, остаться честным и правдивым перед партией и перед собой. Не все поступают так...». Такой же позиции придерживался Я. К. Донкушин, диспетчер станции Свердловск: виновным себя не признавал, показания других называл оговором, в последнем слове заявил: «Никогда не был вредителем, всегда работал честно»²⁶. Можно привести другие подобные примеры, однако едва ли есть основания однозначно утверждать, что они характеризуют определяющую тенденцию.

В документах имеются противоречивые свидетельства. В частности, директор Свердловского государственного университета З. Ф. Горбакова, вынужденная после долгого противостояния следствию признать обвинения, в письме, переданном из тюрьмы родным, сообщала: «Так поступает большинство»²⁷. В протесте по одному из дел указано, что были расстреляны все арестованные – 295 человек (среди них рабочие и специалисты многих предприятий Урала из Чусовского, Нижней Салды, Добрянки, Нытвы, Кунгура, Алапаевска, Полевского, Нижней Ляли, Свердловска, других заводов, рудников и золотых приисков). Некоторые из них до революции были эсерами, но большинство в годы Гражданской войны являлись красными партизанами. Особенностью этого дела является возраст арестованных, даты рождения которых 1869-й, 1872-й, 1880-й, 1886-й, 1897-й год. Некоторые из родственников арестованных назвали эту трагедию «делом стариков». До момента ареста Управление НКВД не располагало никакими материалами о принадлежности обвиняемых к «контрреволюционной организации», и только в процессе допросов были получены признания большинства арестованных. Только 20 человек виновными себя не признали. В письме дочери одного из обвиняемых содержится описание встречи с отцом после нескольких дней пребывания в Свердловской тюрьме: «...морально сломленный, он сумел мне шепнуть во время краткого свидания, что подписал то, в чем не виноват»²⁸.

²⁶ Завещание. 1989. С. 151; ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17201. Л. 89, 93–94, 105 об; Д. 20945. Л. 45 об.

²⁷ Репрессии. 2006. С. 274.

²⁸ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17554. Т. 54. Л. 203.

Второй секретарь посольства США Дж. Ф. Кеннан, присутствовавший на одном из московских процессов, пытался найти ответ на вопрос, волновавший многих: «Люди спрашивают: “Как они заставили каждого подсудимого сознаться?”». Ответ на этот вопрос сравнительно прост: они не заставили каждого. Есть, несомненно, многие, кто отказался играть роль, и кто по этим причинам не был доставлен на открытый процесс». Отметив, что у следствия имеются грубые методы воздействия, он продолжил размышления грустной шуткой, сочиненной дипломатами: новая Конституция СССР, чтобы быть эффективной, должна даровать русским право подвергаться пыткам, не признаваясь²⁹.

Мнение американского дипломата подтверждается множеством свидетельств, содержащихся в письмах арестованных, которые они пытались во время следствия передать родным; в ходатайствах, жалобах и заявлениях, отправленных в областные и союзные органы суда и прокуратуры, адресованных правительству, ЦК ВКП (б), лидерам партии и государства. Эти документы, сохранившиеся в судебно-следственных делах, воссоздают историю ареста, условия содержания во время предварительного заключения и произвол следователей. Пострадавшие называли различные формы физического и морального давления, применяемые на допросах: отказ от очных ставок со свидетелями и другими обвиняемыми; отказ от внесения в протокол объяснений и показаний, опровергающих версию следствия; лишение права на письма родным и свидания; угрозы бросить в камеру к рецидивистам или расстрелять, арестовать членов семьи; нецензурные оскорбления; заключение в карцер; лишение пищи и сна, избиения³⁰.

Следует обратить внимание на то, что начатая политическим руководством страны жестокая игра превратилась в сознании многих в реальность: именно так они воспринимали сконструированный ими мир, в котором множество врагов. И. Сталин в ответ на рапорт Н. Ежова о напряженной работе органов НКВД, «раскрывших» множество польских резидентур и диверсионных групп на разных предприятиях, указывал на необходимость усиления «операции по полякам»: «Очень хорошо! Копайте и вычищайте и впредь эту польско-шпионскую грязь. Крушите ее в интересах СССР!»³¹. Нарком внутренних дел Н. Ежов, вернувшийся с допроса, на вопрос о каплях крови на его гимнастерке ответил: «Это кровь врагов революции». Следователи, за редким исключением, были

²⁹ «Второй московский процесс». С. 236.

³⁰ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20878. Т. 2. Л. 17, 61–62; Д. 16602. Т. 3. Л. 10 и др.

³¹ Хаустов, Самуэльсон. 2009. С. 291.

готовы применять физическое насилие по отношению к людям, оказавшимся в их полной власти. Из более чем ста сотрудников УГБ УНКВД по Вологодской области отказались принимать участие в избиениях подследственных только три человека; из 45 выпускников Ленинградской межкраевой школы НКВД, направленных в область в конце 1937 г. – только один комсомолец³². Среди признаний следователей, привлеченных к ответственности в 1939 г., можно прочесть: «Нас постоянно предупреждали: кто сомневается в правильности проводимой нами работы – тот сам враг и подлежит уничтожению». Иногда начальники выражали недовольство «бледностью» протоколов и заявляли следователям: «Что вы стесняетесь, враг никогда не скажет о себе всего: нужно писать в протоколах не то, что говорит враг, а то, что он думает»³³.

Следователи и охрана в изоляторах и тюрьмах, охрана и заключенные-уголовники на этапах и в местах заключения по отношению к «врагам народа» не только использовали нецензурную брань, но и называли их «гадами», «фашистами». Такое отношение провоцировалось властью – большинство обвиняемых на первом московском процессе «признались» в сотрудничестве с гестапо. Сразу после этого М. Томский, прочитав постановление суда об аресте и решившись на самоубийство, написал Сталину: «...я не могу перенести, когда меня ставят на одну доску с фашистами»³⁴. М. Шангин, арестованный в 17 лет, вспоминал о голодовке, организованной его сокамерниками в Челябинском центре в знак протеста против невыносимых условий содержания. Пришедший начальник тюрьмы заявил: «Вашей сволочи, фашистов, у нас миллионы, и на всех тюрем пока не настроили». Помимо унижительных вербальных характеристик использовались и другие способы фиксации негативной идентичности арестованных. Как правило, врачи к «фашистам» не заходили – «небезопасно жалеть “врагов”». Кроме того, политическим заключенным было запрещено праздновать революционные праздники – почти во всех тюрьмах изымались вещи и предметы красного цвета, жестоко наказывалось пение «Интернационала». Однако, несмотря на запреты и наказания, политические заключенные использовали любой повод для протеста, называли друг друга «товарищами» и «большевиками». Некоторые воспринимали заключение как настоящую «школу большевизма». С. Швед вспоминала, что в тюрьме с особым пафосом декламировали «Советский паспорт» В. Маяковского: «Может быть, эти

³² Петров, Янсен. 2009. С. 127, 277.

³³ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 15258. Л. 39; Д. 18001. Л. 63.

³⁴ Рейфилд. 2008. С. 301.

стихи поддерживали в нас веру, что мы достойны быть советскими гражданами»³⁵. Г. И. Крумин, участвовавший в деятельности большевистского подполья с пятнадцатилетнего возраста, после 1917 г. бывший членом редколлегии «Правды», заместителем главного редактора Большой советской энциклопедии, за отказ признать обвинения был отправлен в одиночную камеру Таганской тюрьмы. Когда в открытое зимой окно камеры тюремщики подбросили ему веревку, он, выбросив ее обратно, ответил: «Большевики не вешаются»³⁶. Однако для сохранения стойкости и самообладания каждому человеку требовались невероятные усилия, так как моральное и физическое давление следователей, их изобретательность превосходили самое богатое воображение.

Многие, оказавшись в НКВД не сразу понимали ситуацию, не могли поверить, что абсурдные обвинения станут причиной лишения свободы и жизни. Например, командир Тюменской дивизии, башкир по национальности, будучи арестованным без предъявления материалов хотя бы по нормам 1937 г., по просьбе начальника Особого отдела прочитал для сотрудников лекцию на тему «Национализм в Башкирии». На другой день ему предложили подписать протокол допроса, в котором он признавал себя не только идеологом контрреволюционного национализма, но и претендентом на пост военного министра в национальном правительстве. Комдив, несмотря на уговоры следователей, которые продолжали вести себя по-дружески, два дня не подписывал эту «чушь», считая, что в таком случае сотрудникам НКВД придется отвечать. Однако следователи, продолжая игру, предложили ему подписать «для курьеза». Только после того, как он с юмором рассказал о «розыгрыше» сокамерникам, и они объяснили ему, каким может быть результат, комдив начал стучать в дверь, требуя вызова в Особый отдел³⁷.

Подобные признания в несовершенных преступлениях получили название самооговор. Арестованные, оказавшиеся в экстремальной ситуации, пытались осмыслить происходившее. Однако в некоторых камерах, опасаясь доносчиков, не решались на откровенность, в других – напротив – активно обсуждали историю каждого и дискутировали о причинах репрессий, о самооговорах, пытаясь понять роль И. Сталина³⁸.

³⁵ Завещание. 1989. С. 101–102, 208, 211, 213–215, 217; Мемуары о политических репрессиях. 2007. С. 118, 289; XX век. 2003. С. 61.

³⁶ Мемуары о политических репрессиях. 2007. С. 189.

³⁷ Завещание. 1989. С. 22.

³⁸ XX век. 2003. С. 79, 86; Мемуары о политических репрессиях. 2007. С. 118, 138–139, 165.

Если методы воздействия оказывались эффективными, и арестованный соглашался на сотрудничество, от него требовали написать заявление о раскаянии. Как правило, авторы заявлений обязательно («по рекомендации» следователей) указывали причины своего отказа от «запирательства» – желание помочь советскому государству и получить прощение или смягчение наказания. Например, сотрудники управления НКВД г. Алапаевска предлагали арестованным такой вариант «чистосердечного признания»: «Не желая скрывать от следствия ничего, в интересах советской власти я решил рассказать о моей причастности к польской дифинзиве. Прошу вызвать меня, я расскажу все о себе и известных мне агентах польской разведки». В большинстве таких заявлений тексты имели аналогичное содержание, отличаясь лишь нюансами: «Серьезно продумав обстоятельства, связанные с моим арестом и не желая больше оставаться в лагере врагов народа, я признаю себя виновным в том, что являлся участником контрреволюционной эсеровской повстанческой организации в Нижне-Салдинском районе. Прошу вызвать меня на допрос для дачи показаний». Иногда использовались иные формулировки, акцентировавшие внимание на желании автора сотрудничать со следователями: «Расскажу органам внутренних дел всю правду. На первом же допросе дам развернутые показания как о себе, так и об участниках организации... этим окажу помощь органам НКВД».

В других «заявлениях» авторы признавали «эффективность» деятельности сотрудников НКВД: «Я понимаю, что следствие располагает достаточными данными о всей нашей работе, поэтому я не намерен скрывать от следствия что-либо и хочу говорить искреннюю правду. Я убежден, что следствию известны все участники организации, поэтому скрывать от следствия чего-либо я не намерен». Алексей Богданов, окончивший в 1930 г. Московский энергетический институт, в 1933 г. – Корнуэльский университет, занимавший накануне ареста должность заведующего кафедрой электросистем Уральского индустриального института, был вынужден под диктовку следователя написать заявление, текст которого встречается во многих других делах: «Осознав всю тяжесть совершенного мною преступления перед Советской властью и не желая быть уличенным имеющимися на меня материалами у следствия, я решил стать на путь чистосердечного признания и заявить следователю со всей полнотой и правдивостью в том, что предъявленное мне

обвинение по ст. 58-6 УК РСФСР, я полностью признаю... Подробности о контрреволюционной деятельности я дам в своих показаниях»³⁹.

Согласно данным заявлениям арестованные не только признавали свою виновность, но и давали обязательство рассказывать о деятельности «участников организации». Признание в несовершеннолетних преступлениях против Родины, даже данное под пытками, являлось причиной морального потрясения и мучительных размышлений – именно признание многими воспринималось как преступление и предательство не только себя, но и всех идеалов партии и советского государства. Невыносимые страдания вызывало понимание ответственности за судьбу оговоренных людей: «Я с ужасом стал думать о том, что благодаря моим показаниям многие уже, возможно, находятся под арестом, а некоторые, попав в аналогичное с моим положение, так же станут на путь ложных показаний – тогда все дело будет настолько запутано, что восстановить истину будет уже чрезвычайно трудно»⁴⁰.

Осознав трагизм произошедшего, многие решались на поиски справедливости, обращаясь с письмами и ходатайствами во все инстанции, способных повлиять на исход дела. В противоположность следствию, обвиняемые, их родственники и друзья в кассационных жалобах и заявлениях о пересмотре приговора утверждали, что осужденные были истинными коммунистами, активными участниками социалистического строительства⁴¹. Одним из примеров многочисленных заявлений является письмо инженера УЗТМ В. И. Игнатова А. Вышинскому: «Считаю себя честным советским гражданином, превращенным в настоящее время в контрреволюционера. Прошу вернуть меня в число советских людей, строящих счастливую жизнь». Другие, сообщая об издевательствах по отношению к арестованным, выражали уверенность: «Я надеюсь, что Партия и Правительство, я верю в это – найдут правду. Я смогу вернуться к семье... не как изгой, а как прежний, честный человек и гражданин нашей Великой Родины». Иногда авторы акцентировали внимание не на личной трагедии, а на социальной и государственной значимости проблемы: «На основании Сталинской конституции я обращаюсь к вам с просьбой дать указание о пересмотре моего дела, т.к. в Советском Союзе каждый трудящийся имеет право на свободный труд

³⁹ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 42393. Л. 6 (среди изъятых документов – грамота ударника); Д. 17160. Т. 14. Л. 86, 120, 152, 236, 208, 215; Т. 16. Л. 76; Репрессии. 2006. С. 198.

⁴⁰ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17554. Т. 30. Л. 87об; Т. 32. Л. 80.

⁴¹ См., напр.: «Дорогой наш товарищ Сталин!». 2001.

и защиту своих гражданских прав... наше правительство... не оставит без внимания невинно находящихся в заключение людей»⁴². Как правило, в таких заявлениях авторы конструируют негативную идентичность следователей и других людей, которых они считали (по тем или иным причинам) виновными в своем аресте.

Безвыходность ситуации, чувство обреченности, физическое истощение и душевные страдания становились причиной многих трагедий. В воспоминаниях очевидцев содержатся описания самоубийств, попыток самоубийства, случаев сумасшествия, произошедших в разных тюрьмах и следственных изоляторах (от Москвы до Петропавловска-Камчатского)⁴³. Абсурдность обвинений и жестокость следователей, требовавших «признаний», оказались невыносимыми даже для бывших политкаторжан, имевших опыт заключения в царских тюрьмах. Одним из примеров такого завершения пути революционера является судьба Ф. А. Ксенофонтова, автора книги «Учение В. И. Ленина о революции и диктатуре пролетариата» (написанной по рекомендации Сталина), бывшего в 1926 г. помощником генерального секретаря ЦК ВКП(б) по печати, затем работавшего на высоких партийных должностях, – он не смог выдержать издевательств во время следствия, сошел с ума и погиб.

Для многих обвиненных спасительное воздействие оказывала надежда на восстановление истины и возвращение им чистого имени в будущем. Некоторые верили даже в возможность установления потомками памятников в честь невинно пострадавших⁴⁴. Большинство арестованных сохраняли убежденность в том, что советская власть и партия непричастны к преступным действиям НКВД, иногда высказывая предположения о «вредительской деятельности, пробравшихся в органы «врагов народа», или противопоставляя истинный социализм политике И. Сталина. Как правило, такие люди, понимая сложности строительства нового общества и принимая, как данность, необходимость жертв и возможность ошибок, просили своих детей никогда не мстить советской власти. Более того, многие из них даже после пребывания в ГУЛАГе сохранили убеждения в возможности реализации социалистических идеалов. Американский историк Стивен Коэн назвал таких членов партии «верующими коммунистами»: вернувшись, они добивались не только реабилитации, но и восстановления в партии, называя ответст-

⁴² ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22750. Л. 28; Д. 17208. Л. 161–162; Д. 39666. Л. 12.

⁴³ Мемуары о политических репрессиях. 2007. С. 108, 164, 183, 176, 201.

⁴⁴ Там же. С. 197.

венным за трагедию только И. Сталина⁴⁵. Считая социализм и советскую власть смыслом жизни, такие люди создавали версию событий, позволявшую им не отказываться от своих идеалов.

Таким образом, в условиях политических репрессий 1930-х гг., происходили удивительные метаморфозы с представлениями о патриотизме и гражданском долге. Как правило, до собственного ареста или ареста своих родных и друзей, советский человек доверительно относился к фактам «выявления» «врагов народа», воспринимая их через официальные объяснения об обострении классовой борьбы и стремлении «мирового империализма» уничтожить социалистическое государство. Будучи активными участниками происходивших в стране преобразований, большинство советских граждан мечтали о новых достижениях и об улучшении жизни, работая с полной самоотдачей, не жалея сил и времени. Однако в условиях экстраординарных перемен и ускоренного ритма жизни из нравственной системы координат оказались вытесненными многие ценности. Именно по этой причине оказавшийся в застенках НКВД человек соглашался на сговор со следователем, на самооговор (по сути, на отказ от себя, своего честного имени) «в интересах государства». В большинстве случаев ценой сделки являлись заверения и обещания следователей от имени советской власти, не имевшие никаких реальных юридических оснований, но декларировавшиеся как единственная гарантия для арестованного сохранить «советскую» идентичность. Соглашаясь на подмену, человек верил в честность «игры», и как только он понимал реальность обмана, он пытался отказаться от принятой им негативной идентичности, обращаясь за помощью к государству, имевшему для него статус высшей ценности.

В случае сопротивления предложениям следователей обвиняемые, не принимавшие никакой «оправдательной» идеологии, были обречены на долгий процесс оскорблений, унижений, физического и морального давления. Однако, не признавая никаких сделок с совестью, не допуская возможности лжи, отстаивая чистоту идеалов, многие сохраняли мужество и стойкость. Именно таким поведением они считали возможным показать советский характер, понимая обреченность своего положения.

Самой печальной оказывалась участь тех, кто не выдерживал психологического или физического воздействия и вынужден был признать себя «врагом» государства, которому был искренне предан. Чувство

⁴⁵ Мемуары о политических репрессиях. 2007. С. 157; *Козн.* 2009. С. 34.

вины перед родиной, партией, советским народом и самим собой иногда оказывалось невыносимым, приводя к сумасшествию и самоубийству.

БИБЛИОГРАФИЯ

- «Второй московский процесс» в оценках американских дипломатов: спор юриспруденции и гуманизма // Американский ежегодник, 2001. М.: Наука, 2001. С. 223–240.
- XX век. История одной семьи. М.: Издательство «Русаки», 2003. 272 с.
- Делалой М. Эмоции в микромире Сталина: случай Николая Бухарина (1937–1938). Типы большевистской мужественности и практика эмоций // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. М.: НЛЮ, 2010. С. 431–456.
- «Дорогой наш товарищ Сталин!» и другие товарищи. Обращения родственников репрессированных командиров Красной Армии к руководителям страны. М.: «Звенья», 2001. 336 с.
- Журавлев С. В. «НКВД напрасно не сажает»: особенности изучения следственного делопроизводства 1930-х гг. // Социальная история. Ежегодник, 2004. М.: РОССПЭН, 2005. С. 371–400.
- Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Издательство «Европа», 2005. 544 с.
- Козн С. Долгое возвращение. Жертвы ГУЛАГа после Сталина. М.: Новый хронограф: АИРО-XXI, 2009. 144 с.
- Маньков А. Г. Дневники 30-х годов. СПб., 2001.
- Мемуары о политических репрессиях в СССР, хранящиеся в архиве общества «Мемориал». М., 2007.
- Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». М.: РОССПЭН, 1998.
- Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М.: РОССПЭН, Фонд Первого президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 447 с. Политические репрессии в Прикамье 1918–1980-е гг. Пермь, 2004.
- Рейфилд Д. Сталин и его подручные. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 576 с.
- Репрессии в среде преподавателей высших учебных заведений г. Свердловска в 1937–1938 гг. // Архивы Урала. 2006. № 9–10. С. 192–292.
- Скорин-Чайков Н. Предел прозрачности: черный ящик и антропология врага в ранней советологии и советскости // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 19–56.
- Фельдман М. А. Два письма из уральских архивов // Отечественная история. 2008. № 2. С. 124–128.
- Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1937–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 432 с.

Быкова Светлана Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения России и стран СНГ факультета международных отношений Уральского государственного университета; sibyкова@mail.ru